

указывает на политическую подчиненность Стефана хазарам, что соответствует исторической обстановке в Крыму в VIII в. В правление Юрия Тархана умер епископ Стефан. В 787 г. он был еще в живых, так как его имя постоянно отмечается в актах второго Никейского собора.

Спустя немного лет после смерти Стефана, когда епископом был преемник Стефана Филарет, появилась в Крыму русская рать из Новгорода под начальством Бравалина. Следовательно это событие следует приурочить к первой четверти IX в. Сообщение о том, что русские явились из Новгорода, а не из Киева, является доказательством того, что рассказ о посмертном чуде сложился раньше, чем Киев сделался центром государства и исходным пунктом для военных экспедиций.

Можно согласиться с Васильевским и Вестбергом в том, что под Корсунской царицей Анной следует подразумевать хазарскую царицу, похожую на ту, которая в том же житии названа „дочерью керченского царя“.

Поэтому Вестберг вполне прав, признавая за житием Стефана значение важного исторического документа по истории древней Руси и Таврического полуострова за первую четверть IX в. „Если иметь в виду знание лиц и событий автором жития, с одной стороны, и свежесть специальных, не известных из других источников известий, то следует полагать, что первоначальная биография нашего святого не могла быть написана позднее середины IX в.“³⁰

Конечно, для Грегуара и А. Васильева гораздо легче отбросить исторический документ, объявив его позднейшей фальсификацией, нежели заниматься неблагодарным и гораздо более трудным делом его научного анализа и выяснения его историчности. Попутно мы должны отметить, что Луйе и Васильев даже не позаботились точно изложить в своих работах содержание жития Стефана. Так, Луйе пишет, что нападение Бравалина на Сурож, по житию, произошло много лет спустя после смерти святого (*plusieurs années après la mort du saint*),³¹ тогда как в тексте документа сказано наоборот: „мало лет минуо“.³² К удивлению нашему, точность цитирования и изложения изменяет на этот раз и А. Васильеву. Так, он пишет, что Стефан Сурожский претерпел мученическую смерть при Константине V. Между тем и в кратком греческом и в полном русском житии говорится, что Стефан Сурожский был отпущен Константином V в Сурож, где и умер естественной смертью. Мы знаем, что в 787 г. Стефан был в качестве епископа Сурожского участником второго Никейского собора. При такой небрежности в изложении содержания памятника, конечно, легко можно доказать его неисторичность.

Утверждая, что „норманнские викинги на юге России в половине IX в. сделали уже господами Черного моря“ (*they soon became masters of the Black Sea*),³³ Васильев и Грегуар в то же время со странной непоследовательностью хотят нас уверить, что русские первым объектом своего нападения на византийские владения избрали саму византийскую столицу, забывая, что византийские источники недвусмысленно указывают, что нападению на столицу предшествовали опустошения и грабежи русских на всем Черноморском побережье. Так, у Скилицы-Кедрина мы читаем: „На все находящееся внутри Эвксинского понта и на все его побережье

³⁰ Ф. Вестберг. Назв. соч., стр. 223.

³¹ Byzantion XV (1940—1941), pp. 238—248.

³² В. Г. Васильевский. Труды, т. III, стр. 95.

³³ The Russian Attack on Constantinople, p. 81.